

МОЗАИКА

Эта «Мозаика» – тематическая. Посвящена она поэтам и писателям разных времён. Тема эта, наверно, вечна, пока существует – по Пушкину – «Поэтов трепетная связь». Некоторые посвящали своим любимым Творцам Слова целые подборки стихов, или даже книги, кто-то – одно, либо несколько стихотворений, но у каждого, наверно, сочинителя есть о них сокровенные строки.

Итак, современные поэты Казахстана – о своих литературных предшественниках.

Людмила Лукина

КАРАМЗИН

«Как мало стало пищи для ума!
 Жизнь познана, как старая жена,
 И остаются лишь купоны славы,
 Утехи преферанса и вина,
 Высокомерия соблазн лукавый
 И дружества холодная зима.
 Да, справедливо Пушкин написал:
 Сколь многих нет, а те ушли далече.
 Давно закрылось дружеское вече,
 Что истину взвело на пьедестал», –
 Так думал он, завёртываясь в плед,
 Перед огнём голландской ветхой печи.
 Дымили, тихо оплывая, свечи,
 И раздражал докучливый сосед,
 Что приезжает чуть не каждый день
 Поговорить о скачках и охоте,
 Про разложение умов во флоте
 И прочую такую ж дребедень.
 Он отвечал молчаньем, но оно
 Болтливому соседу не смущало.
 А в нём уже проклюнулось начало
 Последней книги. Как веретено,
 Мелькали стрелки на часах в гостинной,
 Но день казался тягостным и длинным.
 Нетронутого снега полотно
 С утра уже расшили лапки птички.
 Он думал о ничтожном – и величье:

Прекрасен снег,
 но завтра выйдет – грязь...

Изрядно – сохранить себя
 как личность

И не кривить душою отродясь.
 Он с юности вменил себе в обычай
 Не принимать подарков или мзды,
 Ни жалованья, ни иных прибытков,
 Пусть правнуки оценят те труды,
 Которым сердце отдавал с избытком.
 Ведь, в сущности, он тот же Дон Кишот,
 Печальный рыцарь, но с душою русской,
 К тому же взявший на себя нагрузку
 Культуру защищать.

И вышло вот,
 Что русской он истории создатель,
 Историограф, бытоописатель.

Казалось, есть любимая семья
 И мудрая супруга – чистый ангел.
 Налажен быт, двор благосклонен –
 а нет!

От милостей помилуй, Боже, мя!
 Да, тесноват Китайский павильон,
 И не хватает места для работы,
 И он всё время мёрзнет отчего-то
 И в небо итальянское влюблён.
 Флоренция является во сне,
 И хочется движенья, жизни новой,
 Но так, чтобы немеркнувшей основой
 Всегда стояло счастье в стране,

Бессменные порядочность и честь,
 В предназначенье искренняя вера.
 А что писательство в России есть
 И есть Читатель – это не химера,
 Их создавал он много-много лет,
 В том, в самом деле, нет ему предтечи,
 И в появлении новой русской речи
 Неизгладим его незримый след.
 А титулы – Сенека ли, Тацит –
 Всё мишура, диктуемая веком.
 А надо оставаться Человеком
 И жить всегда лишь так, как Бог велит.

Караганда

Александр Кузнецов

ПУШКИН
 (отрывок)

Молвил Гоголь: «Погиб он рано,
 Но – завиднее доли нет!
 Все на свете, как Пушкин, станут
 Через двести, должно быть, лет...»

Представляю: стремнины Стикса
 Умудрившийся переплыть –
 В наше время поэт явился,
 Чтоб средь равных себе побыть...

С целью шум не будить в народе,
 Быть неузнанным средь толпы –
 Приоделся по новой моде
 И – направил в театр стопы.

Показались ему спектакли
 Пострашнее кошмарных снов:
 Авангардно-развязный «Гамлет»,
 Андеграундный «Годунов»...

В зал концертный поэт метнулся.
 Там – под визг с воздеванием рук –
 «Джага-джага» и «Муси-пуси»,
 Да «московский пустой бамбук».

«Прочь! К теснящимся книжным полкам,
 Где высокого брезжит свет!
 Матерь Божья! Не рифмы только –
 Смысла в нынешних виршах нет!..»

«Вор чиновник!» – кричит газета.
 «Видно, послан уже картель, –
 Пронеслось в голове поэта, –
 Безусловно, грядёт дуэль!»

Но униженный – не обижен...
 На соседней на полосе:
 «Комментарии все излишни...
 Вор – так вор! И – пошли вы все!»

«Что-то сердце забилось чаще...
 Чересчур этот мир чудной!»
 Он – в отель. А в отеле – ящик,
 Как волшебное в мир окно.

Быстро понял премудрость пульта:
 Жми на кнопки туда-сюда!
 Посмотрел с интересом мультяк,
 Как попа проучил Балда.

Ну, а следом пошло такое –
 Не обуглилась чуть душа:
 Нескончаемой чередой
 Взрывы зданий, заводов, шахт,
 Терроризма шаги саженьи,
 Слезы, вопли сирот и вдов,
 Истребленье лесов, крушенья
 Самолётов и поездов.
 Смерч в Техасе... Потоп в Европе...
 Голод в Конго... Грядёт чума...
 Вновь в Багдаде взорвали «опель» –
 Море крови и трупов тьма...

Вот так новость! Отчизны скрепы
 Испарились как будто враз!
 На Украине – в чести Мазепа,
 Заграница уже Кавказ!

.....
 «Эх, потомки! – уже сердито
 Думу думает наш поэт, –
 Надо было бы к вам с визитом
 Подождать ещё двести лет...»

Побледневшие звезд веснушки
 Стёр неспешно рассвет с небес.
 И – со звёздами вместе – Пушкин,
 Посмурневши лицом, исчез.

На диване остались только
 (Пригодятся авось другим)
 Майка, джинсы и – под бейсболкой –
 Непрочитанный том Айги...

Семей

Ольга Тригорьева

ДОМ ВОЛОШИНА В КОКТЕБЕЛЕ

Я пришла сюда гостем непрощеным.
 Мир жесток, и мне холодно в нём.
 Я мечтаю о доме Волошина.
 Где ты, где, поэтический дом?
 Чтоб не быть там ни странной,
 ни лишнею,
 Не играть, не казаться, а – быть.
 Чтобы Макс мог услышать

и выслушать

И с собой по горам поводить.
 Разговоры и песни за ужином,
 Свежесть строчек и шутки друзей.
 И смеётся хозяин простуженный,
 С нами – Ася, Марина, Сергей.
 Не тоскую о времени ранешнем,
 Но мечты мои так далеки...
 Как морские волшебные камешки,
 По утрам собираю стихи.

* * *

Еду, еду к Пастернаку
 Через всю страну большую,
 По пути перебирая,
 Словно чётки, города.
 Полоса дождя и мрака
 Одесную и ошую,
 Лишь на горизонте светит
 Вифлеемская звезда.

Еду, еду к Пастернаку,
 Говорю: ещё не вечер...

Всё же ты, нескорый поезд,
 Не вставай, поторопись.
 Он, конечно, нас дожждётся –
 У него в запасе вечность.
 Но у нас – у тех, кто едет, –
 Только маленькая жизнь.

Еду, еду к Пастернаку,
 Повторяю ненароком:
 Гул затих... Свеча горела...
 Воздух грозами пропах...
 Так же одинок художник,
 Те же провода под током,
 Сонные, простые лица
 В гулких ранних поездах.

Павлодар

Лев Щеголов

ИСЦЕЛЕНИЕ ПУШКИНА

Я выжил Дантесу назло,
 И с тёмной заплаканной Мойки
 Меня на Кавказ понесло
 В казённой оплаченной тройке.
 Указ объявил государь:
 «Забрать дуэлянта в солдаты!»
 Навстречу помчались, как встарь,
 Лишь вёрсты одне полосаты.
 Друзья пошептались тайком
 О новых бичах самовластья
 И выпили тесным кружком
 За правду, свободу и счастье.
 Какой-то безвестный корнет
 Стал за ночь известным поэтом,
 Послав мне посмертный привет
 И власти проклятья при этом.
 Хранил меня праведный рок,
 Спасали кунакские сакли,
 Осёкся черкесский курок,
 Сломалась чеченская сабля,
 И выжил я вновь до поры,
 И вновь заслужил эполеты,
 Но стало течение Куры

Теченьем беспамятной Леты.
 Проказы мои и грехи
 Мне даже жандармы забыли,
 Крамольные прежде стихи
 Теперь правоверными были.
 А чтоб различать мы смогли
 У жизни и смерти grimасы,
 Ушла от меня Натали
 С моим секундантом Данзасом.

БЛОК

По символическим подмосткам
 Прошёл, красив, как юный Бог,
 В воротничке крахмально-жёстком
 Беспечно-безупречный Блок.
 Без парика и жёлтой блузы
 Он эпатировал толпу.
 Вплывали странные медузы
 В его чеканную стопу.

И грозный отсвет Крокатау
 Кружился в призрачных верхах,
 И что-то тайно грохотало
 В его изысканных стихах.
 Он неземные видел силы
 В привычной слабости земной...
 И сам он был как некий символ,
 Обозначавший смысл иной.

Алматы – Москва

Виктор Мостко

НА МОЙКЕ

Как можно жить на Мойке,
 Где каждый камень – слог,
 Смотреть, зевая, с койки
 В старинный потолок,
 Откладывая заначку
 К известному числу,
 Прогуливать собачку
 До Вольфа на углу.

Как можно жить на Мойке,
 Где каждый завиток
 Ограды и постройки –
 Зарок или намёк.
 Там гипсом заморочен,
 Здесь рябью на воде,
 Его летящий почерк
 Встречается везде.

С беспечною забавой,
 С тоской наедине,
 На левой или правой
 По ходу стороне,
 Степенным, кротким, бойким,
 Прижатым к рубежу,
 Как можно жить на Мойке? –
 Ума не приложу.

ГОГОЛЬ

На Невском, зарывшись
 в густой снегопад,
 Меж парков, дворцов и аптек,
 Возможно, коль долго брести наугад,
 Попасть в девятнадцатый век.

Встречаются взгляды, вступая в игру,
 А годы расходятся врозь.
 Неизданный Гоголь стоит на ветру
 В шинели, продутой насквозь.

Что надобно в жизни для жизни иметь? –
 Просвет, озарение, блик
 И нос Ковалёва, который на треть
 Скрывает резной воротник?

Пока он стоит, не решаясь войти
 В надмирный ампирный подъезд,
 Окликни!
 Сейчас разойдутся пути,
 И Гоголь растает окрест.

Окликни!
 Скажи, что за ближним углом,
 Где нищий стоит дотемна,
 Зияет в пространстве незримый пролом
 В соседние с ним времена.

Где этот же снег, не уставший плести
 Всеобщий расчёт и расклад,
 И эти кувшинные рыла в чести,
 И эта надменность оград.

И в новом театре на старом углу
 С подсказки под шёпот страниц
 Эпоха меняется, как на балу
 Меняются маски у лиц...

Но как подступиться, в руках теребя
 Ещё не написанный том?
 А Гоголь стоит, погружённый в себя.
 И что ему знание о нём.

Актюбе – Ростов-на-Дону

Сергей Котов

* * *

«Война и мир» лежит на стуле.
 С улыбкой на лице ты спишь.
 Тебя как в счастье обмакнули –
 Ты вся так светишься, горишь.

Тебе нужны, как хлеб насущный,
 Болконский князь и Лев Толстой...
 И я, завистливый и скучный,
 Брожу по комнате пустой...

Но кто тебя укроет пледом?
 Кто защитит, пока ты спишь?
 Кто за отбитым парашютом
 Прогонит пискнувшую мышь?

Не князь Болконский – это верно,
 И уж, конечно, – не Толстой!
 А муж твой – любящий и верный,
 Твой примелькавшийся герой!

Матьяна Орловская

* * *

На осень мне Вергилия подать!
 С ним побреду в кругах
 воспоминаний.

За дымкою легчайшею и ранней
 Кто встретит нас? –
 Хвостатая ли рать,
 Или крылатых ополченцев рать?

Нет, мы пойдём срединною тропой,
 В долгах погрязшие,
 в немыслимом оброке,
 Заплатим за младенческие сроки
 Невинности – повинною судьбой.

А вся повинность – в обществе дерев
 И в парке имени писателя святого
 Искать и не найти пути крутого,
 И об огне крушиться, отгорев.

Что ж, под присмотром совести-тоски
 Греши,
 кляни вселенские колёса,
 Пока войдёт Вергилий безголосый,
 Кормящий малых птиц земных с руки.

И нет раскаянья,
 свободная душа
 Полами платья, как крылами, машет.
 Из прегрешений –
 только скорби наши,
 И, к счастью, за душою ни гроша.

И малый груз тебя не тяготит.
 А что круги? – Ведут в такие дебри,
 Где маленькую свечечку затеплит
 Слепой, как бог, поэт
 и всех простит.

Риддер

Алматы

Василий Мурашовский

КИТАЙСКИЕ МОТИВЫ

(отрывок)

1

На бамбуковой дудочке
можно играть и века,
Если в слове бессмертном
ты обитель случайно нашёл,
Загляделся Ду-Фу
на лодчонку, на рыбака,
Одинокий мотив
заключил в свой небесный глагол.
Император истлел,
но шумят вдоль реки тростники.
Цапля белая смотрит
в отраженье луны на воде,
Инструмент не роняет
голодный рыбак из руки,
Ты прозрачнее звуков
не найдёшь никогда и нигде...

2

Снова трубы трубят,
снова сборы идут на войну,
Вновь министры кричат,
что победа ложится в ладонь.
И опять непокорную душу,
как глину, я мну.
Больно мне, что не я
своё сердце бросаю в огонь.

3

Рис зелёные листики
выбросил к небу, как встарь,
Снова пламя зелёное
в очи усталые бьёт.
На горячем горшке,
с озверевшею крысой, бунтарь
Журавлей пролетающих
словом последним зовёт...

4

Мама слёзы свои
проливает над сыном погибшим вдали...
Разве может утешить её
императорский новый указ?

Над чужими песками
родные летят журавли...
Но сильнее народа
канцелярский бумажный приказ.

5

Ты ладони свои положила на плечи...
Прости...
Я к тебе не вернусь,
не моя в том, известно, вина.
Три дракона стоят
на моём одиноком пути:
Голод, плен и кончина...
Разве может помочь мне жена?

6

Виноградные листья
краснеют сильнее и сильнее,
Скоро снегом потушит
увяданья извечный пожар.
На нетронуту-белом
следы твои станут видней.
Ты не молод уже,
но когда не сдаёшься – не стар.

7

Обезьяны кричат в восьмом веке
в китайском лесу,
Попугай не кичится
золочёною клеткой своей.
По скалистой тропе
одинокое сердце несу
Под сень пиков,
где боги – не боги
без песни моей...

8

Возле хижины ветхой
подобрать зёрна риса хочу.
Их рассыпал случайно,
торопясь на прогулку, Ли Бо.
Но ладонью Ду Фу
неожиданно бьёт по плечу.
Хохочу... Вот те на!
Оглянулся – и нет никого...

